

Содержание

Ольга Докучаева. Стих о Голубиной книге по списку из собрания В. М. Ундольского	335
Елена Петрова. О влиянии «Кандида» Вольтера и «Тристрама Шенди» Лоренса Стерна на «Нос» Н. В. Гоголя и «Село Степанчиково» Ф. М. Достоевского	348
Софья Сатарова. Рассказ Н. С. Лескова «Томление духа». <i>История текста</i>	361
Марфа Русанова. «Ночное путешествие» В. Я. Брюсова. <i>Интермедиаальный перевод как символистская стратегия текстуальности</i>	377
Владимир Емельянов. «Путем зерна» В. Ф. Ходасевича и мистерии Таммуза	388
Елена Закрыжевская. О возможном генезисе стихотворения В. Ф. Ходасевича «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»	415
Бьянка-Елена Кирилэ. Тема еды в прозе Д. И. Хармса. <i>Из наблюдений над тематическим сплетением «еда – наука – метафизика»</i>	428
Указатель имен	445
Содержание пятнадцатого тома	460

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2019 XV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2019 (4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2019

© «Летняя школа по русской литературе», 2019

Contents

Olga Dokuchaeva. The poem about <i>The Golubinaja kniga</i> in the collection of V. M. Undol'skij	335
Elena Petrova. About the influence of Voltaire's <i>Candide</i> and Laurence Sterne's <i>Tristram Shandy</i> on <i>Nose</i> by N. V. Gogol and <i>The village of Stepanchikovo</i> by F. M. Dostoyevsky	348
Sofia Satarova. N. Leskov's story <i>Yearning of the spirit. The history of the printed text</i>	361
Marfa Rusanova. <i>An Overnight Journey</i> by V. Bryusov. <i>Intermedial translation as a symbolic textual strategy</i>	377
Vladimir Emelianov. V. F. Khodasevich's <i>Grain's Way</i> and lamentations for Dumuzi	388
Elena Zakryzhevskaja. On possible genesis of the poems by Vladislav Khodasevich <i>Friends, friends! Maybe soon</i>	415
Bianca-Elena Chirilă. The thematic concept of food in D. I. Kharms' literary work. On the thematic intertwining <i>food – science – metaphysics</i>	428
Index	445
Contents of the volume	460

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova,

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОЛЬГА ДОКУЧАЕВА
(Москва)

СТИХ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЕ ПО СПИСКУ ИЗ СОБРАНИЯ В. М. УНДОЛЬСКОГО

В статье рассматривается связь стиха о Голубиной книге с другими произведениями в сборнике из собрания В. М. Ундольского (РГБ). Входящие в состав сборника летописные повести имеют ряд общих образов и мотивов со стихом: к ним относится ориентация говорящего на слушателя, которой объясняется сочетание разных мотивировок старейшинства вещей в мире в стихе о Голубиной книге. Сопоставление стиха с летописными сказаниями позволяет сделать наблюдение о его восприятии древнерусским читателем; упоминаемые в нем события включены в контекст мировой и русской истории.

Ключевые слова: русская литература XVII века, стих о Голубиной книге, сборник.

Информация об авторе: Докучаева Ольга Игоревна, студентка РГГУ. Москва, Россия.

E-mail: lelyakaluga@gmail.com

The poem about the Golubinaja kniga in the collection of V. M. Undol'skij

The article discusses the poem about the Golubinaja kniga in the context of the chronicle miscellany from the collection of V. M. Undol'skij. The chronicle tales and the poem have some common images and motives, and the listener orientation, which explains the combination of the different reasons for the object to be the first, is one of them. The comparison of the poem with the chronicle tales allows to see how old-Russian reader was taking the poem: the stories of king David are included in the context of the world and Russian history.

Key words: Russian literature of the XVII century, poem about Golubinaja kniga, miscellany.

About the author: Olga Dokuchaeva, student of the RSUH. Moscow, Russia.

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-4-335-347

Духовный стих о Голубиной книге датируется XVII веком.¹ Рассматриваемый в этой статье список находится

¹ Каган М. Д. Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 216.

в неопубликованном сборнике повестей и летописных статей начала XVII века из собрания В. М. Ундольского (ОР РГБ. Ф. 310. № 762). В сборнике содержится только отрывок стиха (л. 67–69), включающий в себя ответы царя Давида на вопросы о том, какая вещь была создана первой в мире и какая считается главной, то есть о «первенстве предметов» в мире. «Мотивировкой первенства предмета» далее будет называться причина, по которой вещь, предмет считаются главными, старейшими. Эти мотивировки могут быть новозаветными, либо ветхозаветными, т. е. основанными на новозаветном или ветхозаветном материале, содержащими новозаветные или ветхозаветные образы.

В. Н. Мочульский выделял несколько подходов к анализу стиха о Голубиной книге.¹ Первое направление исследований (Н. И. Надеждин, А. Н. Афанасьев, П. А. Бессонов) считает этот стих продуктом «чисто-народного, русского творчества».² Второе направление рассматривает влияние книжных источников на устные народные произведения. И. Я. Порфирьев, один из его последователей, говоря о возможных источниках стиха о Голубиной книге, упоминал, что народный стих мог перейти в книжность и обрасти христианскими чертами.³ Представители третьего направления исследований склонны считать источниками стиха различные апокрифы. Например, в исследовании А. Н. Веселовского как основной апокрифический источник указаны «Вопросы Иоанна Богослова на горе Фаворской».⁴ Другой представитель этого направления, А. И. Кирпичников, считает «Беседу трёх святителей» литературным источником для многих вопросов и ответов, представленных в стихе.⁵ В труде Мочульского развивается то же направление исследований: приводится большее количество

¹ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 3–15.

² Там же. С. 4.

³ Порфирьев И. Я. Народные духовные стихи и легенды // Православный собеседник. 1869. № 9. С. 63–65.

⁴ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 165.

⁵ Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой: [В 2 т. В 3 кн.]. СПб., 1863. Т. 1. С. 252.

апокрифов, лёгших в основу стиха о Голубиной книге, послуживших источником отдельных вопросов и ответов в стихе.

По мнению О. Ф. Миллера, исследователя, придерживающегося первого направления, источником ответов Давида на задаваемые ему вопросы мог быть «один величественный миф».¹ В таком случае царь Давид сознательно обращается к известным ему сказаниям, к старым преданиям.² Если ориентироваться на эту трактовку источников стиха о Голубиной книге, то получается, что Давид не играет в произведении роль интерпретатора: он вспоминает уже существующие мифы, а не пересказывает содержание выпавшей с небес книги. Между тем, именно ролью Давида-интерпретатора могут быть объяснены сочетания разных мотивировок первенства предметов в мире (новозаветных, ветхозаветных, народных).

Образ Давида как псалмопевца сформировался в народном сознании. Можно заметить, что в псалмах Давид выступает в роли интерпретатора библейской истории, закона Божьего. Например, в псалмах 76, 77, 79 Давид упоминает моменты из библейской истории выхода евреев из Египта и интерпретирует их, поэтому следование им этой роли в стихе о Голубиной книге ожидаемо. Также фигура Давида значима одновременно и для Нового, и для Ветхого Завета. Именно это может объяснять сочетания разных мотивировок первенств. В стихе Давид интерпретирует выпадающую с небес Голубиную книгу, обращаясь к слушающему его народу и царю Волоту Волотовичу. Для собравшихся вокруг Давида слушателей характерны и народные, и христианские черты восприятия. Большинство списков стиха содержит фигуры князя Володимира и Давида Евсевевича, в этом списке имя Володимира заменено на Волота Волотовича. Фигура Волота Волотовича имеет фольклорные корни (уже в «Беседе трёх святителей» — это «мифический великан»)³ Позднее он заменяется князем Владимиром, первым открывшим

¹ Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности, с христоматиею, расположенной по эпохам. Изд. 2-е. СПб., 1865. Ч. I. Вып. 1: От древнейших времён до татарщины. С. 334.

² Там же. С. 332.

³ Там же. С. 328.

христианскую истину на Руси.¹ Образы Владимира и Давида Евсеевича как первооткрывателей христианской истины перекликаются друг с другом.² В другом произведении сборника Владимир сравнивается с ветхозаветным персонажем, с Соломоном,³ потому что у него так же, как и у последнего, было много наложниц.

Тщательным исследованием мотивировок первенства предметов занимался В. Н. Мочульский. Проводившееся до него исследование А. Н. Веселовского («Разыскания в области духовного стиха»⁴) посвящено анализу мотивировки камня Латыря, а анализ источника мотивировки первейшего древа можно наблюдать в исследовании «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине».⁵ О Латыре пишет и Н. И. Надеждин («О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и в особенности к этнографии русской»)⁶ О преобладании новозаветных мотивировок говорил С. П. Шевырев в своих лекциях по истории русской словесности.⁷ Ф. И. Буслаев называет источники мотивировок первенства животных (средневековые бестиарии, «Физиолог»)⁸ Проведённые исследования источников мотивировок позволяют разделить сами мотивировки на новозаветные и ветхозаветные. Как можно увидеть далее, мотивировки в стихе могут и объединять новозаветные и ветхозаветные мотивы. Разделение мотивировок позволяет объяснить, почему источники стиха

¹ Там же. С. 329.

² Шевырев С. П. История русской словесности: [В 4 ч.]. Изд. 2-е. М., 1859. Ч. 1. С. 290.

³ Рукопись. Летописный сборник начала XVII века // РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 762. Л. 44.

⁴ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1881. Вып. 3–4. С. 1–46.

⁵ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Собр. соч. Пг., 1921. Т. 8. Вып. 1. С. 200–207.

⁶ Надеждин Н. И. О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и в особенности к этнографии русской // Русская беседа. 1857. № 4. С. 36–38.

⁷ Шевырев С. П. История русской словесности. Ч. 1. С. 289.

⁸ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Соч. СПб., 1910. Т. 2. С. 19.

так отличаются друг от друга и может ли это быть связано с фигурой одного из персонажей стиха, Давида.

В отрывке стиха по списку В. М. Ундольского для подтверждения первенства предметов в основном используются две мотивировки. Одна из них связана с ветхозаветными мотивами, а другая — с новозаветными.

Пример такого сочетания можно найти, обратившись к мотивировке первенства Иордана: «...а рекам река мать иорданская потому что та река из раю иудейскаго в той реке крестися Господь наш Иисус Христось потому та иордан река рекам мати...») (л. 67). Образ Иордана мог быть заимствован и из ветхозаветных, и из новозаветных апокрифов. Одна часть мотивировки связана с представлением о ветхозаветном рае, другая — с крещением Иисуса Христа.

Мотивировка первенства главы Адама тоже объединяет новозаветные и ветхозаветные мотивы. Они присутствуют здесь в равных долях: «А глава главам мать адамова потому коли Господь Бог сотвори небо и землю и месяц и вся, яже на земли затем Господь Бог сотворил ему евву прекрасную и поде от Адама и от еввы вси благородные цари и князи и всё православное христианство потому глава адамова людей мать...» (л. 67). И хотя обращение к Адаму и Еве — это обращение к ветхозаветным образам, Адам в стихе — прародитель всего православного христианства. Так, ветхозаветный персонаж выполняет новозаветную функцию.

Соединение ветхозаветных и новозаветных мотивов возможно и в пределах одной мотивировки. Иерусалим — первый город, потому что из него Пасхалия Азбучная распространилась на всю «святорусскую» землю: «град иерусалим тот градом мать потому что от того славнаго града иерусалима пошла миру пасхалия азбучная и с той пасхалии пошло во всю землю святорусскую потому иерусалим град градам мать» (л. 67). Сама Пасхалия Азбучная как явление связана и с ветхозаветными, и с новозаветными мотивами. Очевидно, что «святорусская» земля — новозаветный образ.

В списке этого стиха есть один случай, когда место первого предмета занимают несколько предметов сразу. Певг, кедр и кипарис становятся первым «древом», которые могут породить ладан и фимиам (л. 67). По наблюдению

Мочульского, связь кипариса и ладана может быть вызвана их бытованием как церковных благоуханий.¹ Эта мотивировка первенства «древа» тоже не отсылает к исключительно новозаветным мотивам, ведь ладан встречается ещё в ветхозаветных апокрифах.

В стихе содержатся и полностью новозаветные мотивировки, такие как первенство плакун-травы: «Святая Богородица плакала по сыну своему и слезы на траву уронила, потому плакун трава травам матери» (л. 68) или первенство моря: «А море морям матери акиян море великое потому что в том великом море окияне стоит церковь климонта папы римского» (л. 68).

Мотивировка первенства камня Латыря отражает новозаветные мотивы в символическом плане. Опираясь на интерпретацию этой мотивировки в анализе Мочульского,² можно сказать, что рыба символизирует Христа, потому что на иконах она часто изображается на трапезном столе во время Тайной вечери. В образе Латыря обнаруживается и народная черта. Название может быть видоизменением Алатыря, того камня, который часто появляется в русских народных заговорах. Представляется, что в стихе Давид прибегает к камню Латырю, чтобы лучше объяснить народу причину первенства этого предмета.

К новозаветным мотивировкам относится также мотивировка первенства озера Ирмень: «А озеро озером мать ирмень что под новым городом потому что взяло в себя триста рек да в нем же сказывают реке серебряно потому то озеро озером мать» (л. 68). Это объясняется тем, что вода, река и озеро — метафоры учения Христа. Образ озера Ирмень перекликается с образом зверя Индрека, их объединяет возникший в стихе водный мотив. Во время великой засухи зверь Индрек прогоняет змея, который преграждает путь к единственному оставшемуся на земле озеру — в этом заключается причина первенства зверя Индрека. Расшифровать метафору можно так: озеро с водой — это закон Божий, а змей — преграда. В нескольких списках стиха имя зверя Индрека заменяется

¹ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. С. 167.

² Там же. С. 171.

на «Единорога».¹ Тогда новозаветная окраска мотивировки усиливается, ведь образ Единорога может трактоваться как образ Христа. Названная В. Н. Мочульским причина — представление о Единороге как о животном целомудрия, привлечённым непорочной девой.²

В мотивировке первенства птицы Таврун нет ни новозаветных, ни ветхозаветных мотивов: «А птица птицам мать таврун птица невеличка со скудную галку а живет та птица у гремячих колодезей у моря теплова» (л. 68). Здесь несколько раз наблюдается обман читательских ожиданий: образ птицы часто связывается с деревом, но в стихе птица живёт у воды — это можно назвать первым обманом ожиданий. Слушатели и читатели обманываются ещё и тогда, когда «птица птицам» (л. 68) оказывается всего лишь галкой.

Так, по соединению нескольких различных мотивировок, по обману ожиданий слушателей, по выбору таких мотивировок, которые должны быть понятны слушателям (православному народу) можно наблюдать, как Давид реализует себя в роли интерпретатора книги. Он продолжает реализовывать себя в этой роли, характеризуя Еву эпитетом «прекрасная». Здесь этот эпитет — не общее место, ведь он звучит из уст Давида, а тот ближе к Еве, т. к. он тоже библейский персонаж.

Рассматривая духовный стих в контексте летописного сборника, можно проследить, есть ли во всём сборнике особый акцент на роли Давида, ориентация говорящего на слушателей, наконец, мотивы и образы, присутствующие в стихе о Голубиной книге.

В состав сборника включены выписки из «Летописца вскор» Патриарха Никифора (памятник переводной: оригинальный текст датируется IX веком, древнейший список в древнерусской традиции XIII века), «Начало великих князей русских при царстве Михайлове», «Летописец великих князей русских», «Сказание о князьях Владимирских» (XVI в.), «Сказание о княжении русских великих князей»,

¹ Там же. С. 153–155.

² Там же. С. 155.

«Родословие литовских князей», стих о Голубиной книге (XVII в.) и «Повесть о двух посольствах» (нач. XVII в.).

Кроме стиха о Голубиной книге Давид фигурирует в выписках из «Летописца вскоре» патриарха Никифора, помещённых в начале сборника. Давиду не уделено особое внимание, он появляется при перечислении других ветхозаветных царей, не играя роль интерпретатора. В этом списке упоминаются пророки, жившие при Давиде, и больше имя царя не встречается.

Опираясь на анализ Мочульского,¹ можно утверждать, что список из собрания В. М. Ундольского — единственный, где Пасхалия азбучная — мотивировка первенства Иерусалима. Так как сама Пасхалия азбучная связана с расчётом верной даты Пасхи, то появление её в летописном сборнике объяснимо. Представляется, что окружающие стих о Голубиной книге летописные сказания способны влиять на мотивировку внутри стиха.

Церковь — общий образ для стиха о Голубиной книге и выписок из «Летописца вскоре» патриарха Никифора. Там Иерусалимская церковь упоминается дважды: её разрушение и её последующее обновление. В стихе о Голубиной книге первейшая церковь — церковь, в которой стоит Гроб Господень. Скорее всего, речь идёт о Храме Воскресения Господня, о чём пишет Мочульский.² В обоих произведениях имеется в виду одна и та же церковь.

В другом произведении сборника, в «Сказании о княжении русских великих князей», упоминается озеро Ирмень, в которое впадает несколько рек. Так, речной мотив реализуется в сборнике и связывает два произведения.

В стихе о Голубиной книге развивается мотив книжности. Он появляется и в одном из летописцев сборника, в «Сказании о княжении русских великих князей». Там христианство названо «книжным учением» (л. 53). В стихе Голубиная книга, выпадающая с неба и хранящая знания о первейших предметах, имеет сакральный оттенок. Упомянутый летописец предшествует стиху о Голубиной книге в составе сборника. Из этого можно сделать вывод, что потен-

¹ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха... С. 100–102.

² Там же. С. 105.

циальный читатель во время чтения сборника сталкивается с названием христианского учения «книжным» в летописце, а затем — с выпадающей книгой в стихе о Голубиной книге, которая становится подтверждением «книжности» учения.

В этом же летописце Владимир узнает о постулатах христианской веры, о библейских сюжетах от Кирилла философа. Вовлекая князя в новую веру, Кирилл рассказывает Владимиру не только о том, как были созданы небо и земля, но и о будущей участи грешника и праведника. Кирилл философ раскрывает перспективы веры перед Владимиром, он рассказывает, ориентируясь на своего слушателя. В пределах этого сборника можно провести параллель между Кириллом философом и царём Давидом. Давид озвучивает несколько мотивов первенства каждого заинтересовавшего слушателей предмета так, чтобы его ответы на вопросы были понятны. По этой причине нельзя точно узнать, что на самом деле было написано в книге, выпавшей с небес, а что передал Давид, интерпретируя её.

Обращаясь к проделанному анализу мотивировок, нужно обратить внимание, что кроме полностью новозаветных и ветхозаветных мотивировок в тексте стиха есть и соединение новозаветных и ветхозаветных мотивов в пределах одной мотивировки и даже в одном образе, в этом реализуется ориентация Давида на слушателей.

В летописных повестях сборника новозаветные мотивы чаще включены в общее повествование. Так, в «Сказании о княжении русских великих князей», в котором отдельные эпизоды остаются опущенными, эпизод с выбором Владимира веры присутствует (л. 45–47). Но в выписках из «Летописца вскоре» патриарха Никифора события из жизни Христа не включены в общий контекст. Изложение этих событий начинается после основного летописного повествования. Это совсем не похоже на реализацию новозаветных мотивов в стихе о Голубиной книге, где они тесно связаны с другими. В этом списке «Летописца вскоре» при перечислении правителей Византии не указано, кто был еретиком, а кто — православным, в остальных списках эти детали не опускаются.

Летописные сказания в сборнике преподносят события мировой и русской истории с разной степенью подробности

и с разными акцентами. Такое соединение кратких и пространных летописцев напоминает соединение разных мотивировок первенства (новозаветных, ветхозаветных) предметов в стихе о Голубиной книге. Можно сделать вывод, что для сборника вообще характерно несколько вариантов взгляда на одни и те же вещи.

Включение стиха о Голубиной книге в сборник с летописными повестями говорит о специфике восприятия стиха как автором, так и читателем. События, описываемые в стихе, воспринимаются как реально произошедшие. Значит, не только выпадающая с небес книга, но и мотивировки того или иного предмета как первейшего, старейшего сопоставимы с летописными сказаниями, включены в контекст мировой истории.

В последнем произведении сборника, в отрывке «Повести о двух посольствах», содержится кипрская история, «почти самостоятельный рассказ»,¹ который и в других сборниках отделяется от текста повествования (например, в «Сборнике повестей» 1742 года (РГБ. Ф. 92. № 72)). В ней преобладает вымысел, а не факты. Так как кипрская история следует за стихом о Голубиной книге, можно предположить, что после него допускаются неточности и вымысел в передачи исторических событий.

При таком составе сборника роль Давида может напоминать роль летописца, восстанавливающего события. В этом списке такая параллель возможна, ведь речь о воспринимающей стороне (о Волоте Волотовиче, о народе) практически не идёт, как и в летописных повестях всего сборника. В этом отрывке стиха есть только один вопрос от слушающих: «Коя рыба всем рыбам рыба?» (л. 67). В следующем вопросе от Волота Волотовича нет реакции на ответы Давида о первенстве предметов на земле (Волот Волотович спрашивает у царя о Страшном суде). Находя сходства стиха о Голубиной книге с летописными повестями, надо отметить, что действительно много мотивировок первенства предметов связано с тем, что уже когда-то произошло. Так, в мотивировке первенства

¹ *Каган М. Д.* «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 239.

зверя речь идёт о времени засухи, а в новозаветных мотивовках — о жизни Христа.

В сборнике создаётся контраст между соблюдением хронологии событий в летописях и смешением временных пластов в стихе о Голубиной книге. В выписках из «Летописца вскоре» патриарха Никифора часто встречаются отступления, посвящённые вычислению лет от одного исторического события до другого, от жизни одного царя до правления другого («А от Адама до потопа лет...») (л. 8). Эти отступления подчёркивают строгое соблюдение последовательности событий или стремление к нему во всём сборнике и выделяют стих о Голубиной книге, в которой Волот Волотович и Давид живут в одно время. Ещё сильнее переплетение временных пластов проявляется в том, что Давид, интерпретируя книгу, вспоминает Христа и Богородицу.

После сопоставления стиха о Голубиной книге с окружающими её в сборнике произведениями меняются представления о её восприятии составителем сборника, читателями. Читатель часто выступал в роли составителя сборника, подбирая интересные для себя тексты.¹ Найденные общие образы в летописных повестях и в стихе о Голубиной книге позволяют провести параллели между произведениями, открыть новые перспективы изучения стиха о Голубиной книге. Представляется, что анализ этого произведения в контексте сборников позволит больше узнать о его восприятии, об особенностях встречающихся в нем мотивов и образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Соч. СПб., 1910. Т. 2.
2. *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1881. Вып. 3–4.
3. *Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Собр. соч. Пг., 1921. Т. 8. Вып. 1.

¹ *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв.: Дисс. ... д-ра. филол. наук. Новосибирск, 2013. С. 154.

4. *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой: [В 2 т. В 3 кн.]. СПб., 1863. Т. 1.
5. *Грицевская И. М.* Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв.: Дисс. ... д-ра. филол. наук. Новосибирск, 2013. С. 151–158.
6. *Каган М. Д.* Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 216–219.
7. *Каган М. Д.* «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218–254.
8. *Миллер О. Ф.* Опыт исторического обозрения русской словесности, с христоматиею, расположенной по эпохам. Изд. 2-е. СПб., 1865. Ч. 1. Вып. 1.
9. *Мочульский В. Н.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.
10. *Надеждин Н. И.* О русских народных мифах и сагах, в применении их к географии и в особенности к этнографии русской // Русская беседа. 1857. № 4. С. 36–38.
11. *Порфирьев И. Я.* Народные духовные стихи и легенды // Православный собеседник. 1869. № 9. С. 63–65.
12. *Шевырев С. П.* История русской словесности: [В 4 ч.]. Изд. 2-е. М., 1859. Ч. 1.

REFERENCES

1. *Buslaev F. I.* Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva // Sochineniya. SPb., 1910. T. 2. (In Russ.)
2. *Galahov A. D.* Istoriya russkoj slovesnosti, drevnej i novoj: [V 2 t. V 3 kn.]. SPb., 1863. T. 1. (In Russ.)
3. *Gricevskaya I. M.* Ctenie i chet'i sborniki v literaturnoj kul'ture russkih monastyrej XV —XVII vv.: Diss. ... d-ra. filol. nauk. Novosibirsk, 2013. S. 151–158. (In Russ.)
4. *Kagan M. D.* «Povest' o dvuh posol'stvah» — legendarno-politicheskoe proizvedenie nachala XVII veka // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1955. T. 11. S. 218–254. (In Russ.)
5. *Kagan M. D.* Golubinaya kniga // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. SPb., 1992. Vyp. 3. Ch. 1. S. 216–219. (In Russ.)
6. *Miller O. F.* Opyt istoricheskogo obozreniya russkoj slovesnosti, s hristomatieyu, raspolozhennoj po epocham. Izd. 2-e. SPb., 1865. Ch. 1. Vyp. 1. (In Russ.)
7. *Mochul'skij V. N.* Istoriko-literaturnyj analiz stiha o Golubinoj knige. Varshava, 1887. (In Russ.)

8. *Nadezhdin N. I.* O russkikh narodnyh mifah i sagah, v primenenii ih k geografii i v osobennosti k etnografii russkoj // Russkaya beseda. 1857. № 4. S. 36–38. (In Russ.)
9. *Porfir'ev I. Ya.* Narodnye duhovnye stichi i legendy // Pravoslavnyj sobesednik. 1869. Sentyabr'. S. 63–65. (In Russ.)
10. *Shevyrev S. P.* Istoriya russkoj slovesnosti: [V 4 ch.]. Izd. 2-e. M., 1859. Ch. 1. (In Russ.)
11. *Veselovskij A. N.* Razyskaniya v oblasti russkogo duhovnogo stikha. SPb., 1881. Vyp. 3–4. (In Russ.)
12. *Veselovskij A. N.* Slavyanskie skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadne legendy o Morol'fe i Merline // Sobr. soch. Pg., 1921. T. 8. Vyp. 1. (In Russ.)